

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Анна
Зенькова

С
ГОРЯЧИМ
ПРИВЕТОМ
ОТ ФЁКЛЫ

КомпасГид
издательский дом

Анна Зенькова

С горячим приветом от Фёклы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53574127

С горячим приветом от Фёклы: [для сред. и ст. шк. возраста: 12+] /

Анна Зенькова: КомпасГид; Москва; 2020

ISBN 978-5-00083-721-4

Аннотация

Сколько они уже в лесу? День, два? Неделю? В непроходимой чаще теряется ощущение времени и места. Деревья, овраги и даже болота – все одинаковые. То справа ухнет, то слева треснет. За каждым кустом мерещится призрак Захарушки. А тут еще будто из-под земли вырастает целая армия лесных чудовищ, вздрагивающих косматыми холками...

«Нельзя отчаиваться, надо искать выход», – говорит Ржавый. «Пожалуй», – соглашается Севка. «Лучше бы костер развели», – ворчит в его голове Фёкла. Севка вздрагивает от ее голоса – каждый раз. Не будь рядом Ржавого, с ума сошел бы от страха!

Что бы ни случилось в жизни 11-летнего Севки, он обязательно справится: главное – рядом должен быть кто-то, кому можно доверять. Вот только поначалу герой этой книги не видит друга ни в Ржавом, ни в Яшке, ни в Гнусике. Всё меняется в одночасье, когда мальчишки, спасая свои жизни от

банды хулиганов, теряются в лесу. С собой у них – ни воды, ни еды, лишь коробок спичек в кармане. Пошел обратный отсчет...

Книга «С горячим приветом от Фёклы» продолжает традиции серьезной русской литературы для детей: «Ночевала тучка золотая», «Бронзовая птица», «Облачный полк». Анна Зенькова (родилась в 1984 году) открывает перед читателем мир в его сложности и неоднозначности, но не лишает надежды. Какие бы испытания ни ждали героя, в голове его всегда будет звучать голос любящей Фёклы: сначала резко и пугающе, затем – всё мягче и добрее. В 2019 году эта дебютная повесть молодой писательницы получила гран-при конкурса «Подросток N», который проводило издательство «КомпасГид», и премию им. В. П. Крапивина в номинации «Выбор Командора».

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Зенькова

С горячим

приветом от Фёклы

© Зенькова А., текст, 2020

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2020

*Если сегодня нет солнца на небе – это не значит,
что его нет вообще.*

Би Дорси Орл

Часть первая

Глава 1

– Сходил бы ты на улицу! – ни с того ни с сего предложила Фёкла. – Чего дома-то киснуть?

– А шашки? – заканючил я. – Ты же обещала.

– Как обещала, так и разобещала, – отрезала она.

Несмотря на тон, голос у нее был тихим и будто бы даже виноватым.

«Предательница! – подумал я, но вслух ничего не сказал. – Небось к Валюхе собралась, среди бела дня чаевничать».

Я с мученическим видом стал одеваться, будто меня там ожидала не улица, а казнь египетская:

– Это – позор, а не шорты! Как из Армии спасения.

– Иди-иди, не умничай. – Фёкла миролюбиво подтолкнула меня в спину. – А я пока суп сварю.

– С фрикадельками? – пробурчал я с плохо скрываемой надеждой.

– И лапшой. – Она устало кивнула.

Тут уж я позабыл про все свои обиды. Фрикадельки из супа того стоили.

– Только лук не клади! Всё равно узнаю! – Я снял с гвоздя ключ на веревочке, повесил на шею и махнул Фёкле рукой:

– Ну, пока!

– Зеленого ничего не ешь! – понеслось мне вслед. – Опять кишки скрутит.

Я торопливо закрыл за собой дверь.

* * *

Во дворе было пусто. Оно и понятно – лето. Все наши дворовые разъехались по морям, лесам и бабушкам, а я вроде как остался за главного. Редкое удовольствие – быть главным в пустом дворе. От тоски загнуться можно.

На лавке сидела баба Шура и, как механический робот, грызла семечки.

«Щелк-щелк. Вас приветствует робот Шура. Модель Т-1000. Совершенного типа».

Ну, как-то так она и сидела. Ей, видно, тоже было невесело.

– Здравсьте, баб Шур. – Я, не глядя, прошел мимо, но она точно смотрела мне вслед! Как боцман на корме при виде пиратского судна. Фёкла говорит, что это у нее просто вид такой – перекошенный. Но я думаю, что робот Шура просто не выносит детей. А таких, как я, – неуправляемых – особенно. Ну и Жеку еще. В этом мы с ним похожи.

Баба Шура подтвердила мои догадки презрительным молчанием, но я сделал вид, что не заметил, и гордо свернул за угол. Там начинались балконы, а под балконами – фрукто-

вый рай для гурманов. Так называл наш дворовый садик Жека. Мы с ним вроде как ладим. Он живет в первом подъезде, а я во втором, так что нам сам бог велел дружить. Но мы его заветы не особо выполняем, даже деремся иногда. Не друзья, но и не враги. Так, что-то средне-приятельское.

Фёклу я, конечно, слушать не стал и первым делом забрался на черешню. Аккурат под Валюхиными окнами. Снизу ягоды были еще зелеными, но те, что наверху, уже атели гладкими бочками. Я пополз к краю ветки – там ягоды прямо краснючие. Ветка задрожала, и я вместе с ней, как начинающий эквилибрист. Ух, страшно.

«Кто не рискует, тот Таня», – напомнил я себе любимое Жекино изречение. Кто такая эта Таня, я не знал, но быть на нее похожим не хотел уже заранее. Опираясь на одну руку, я вытянул другую, дрожащую, и что было силы дернул ягодную горсть вперемешку с листьями.

Только я намерился запихнуть добычу в карман, как вдруг где-то рядом хлопнула форточка. Среди черешневой зелени замелькало красное пятно.

«Валюха!» – мелькнула у меня шальная мысль, и сердце заколотилось громко-громко. То ли от испуга, то ли от предвкушения надвигающейся опасности в лице краснокожей Валюхи. Это наша соседка. Она же тетя Валя, она же Валюшенция, она же Валя фон Штирлиц. Прозвища мы придумали на пару с Фёклой. Ну, я, конечно, в большей степени. Просто у меня с фантазией перебор – вот и приходится ее

как-то расходовать.

Вообще тетя Валя была белокожей, ну, может, местами розовой. Но вот лицо! Мы всё мечтали с пацанами, как летом соберемся поиграть в индейцев и предложим ей главную роль Чингачгука. Жаль, что все разъехались.

– Кто это там шебуршит? – завизжало у меня над ухом. Я прижался к ветке и затаился, словно ниндзя, но бдительный Чингачгук Валюха всё равно меня заприметила. – Севка, ты, что ли?

Она вдруг спрятала лицо обратно в форточку.

Швах! Не успел я обрадоваться, как оттуда высунулась рука со шваброй и принялась яростно молотить по несчастной черешне.

– Ах ты паршивец! – Листья летели во все стороны, а она всё лупила по ним, словно хотела сорвать побольше для какого-нибудь школьного гербария. Но я-то знал – Валюха задумала снять с меня скальп.

Поэтому я сразу плюнул на гордость, прыгнул на землю и задал такого стрекача – будь здоров!

Вслед мне летели листья и неразборчивые проклятия. Видимо, индейские.

Забежав за угол, я отдышался как следует и только потом заметил дыру на одной из штанин. У меня неприятно заныло под ложечкой.

«Фёкла с меня шкуру сдерет!» – подумал я с нарастающей тоской. И ведь не объяснишь ей никак, что на мне лежит

древнее проклятье. В прошлый раз было так.

– Хватит выдумывать, – разозлилась она. – Опять по куштам шастал?

Поначалу я горячо отстаивал свои права заколдованного:

– Ты не понимаешь. Я обречен портить новые вещи, стоит мне только к ним прикоснуться!

Фёкла поджала губы, я послушно замолчал, но потом завел снова:

– И старые тоже, когда у меня случаются обострения. Как у тебя с гастритом.

Вместо того чтобы посочувствовать, она почему-то рассвирепела:

– Я тебе сейчас покажу обострение! – И отвесила мне крепкую затрещину, от которой потом ухо горело так, словно его припекли утюгом.

Униженный такой несправедливостью, я целый вечер прятался за шторой на подоконнике и даже объявил голодовку. Правда, продержался недолго. После трех кусков хлеба с майонезом, который я под покровом ночи стащил из холодильника, у меня так заболел живот, что только одно и оставалось – звать Фёклу на помощь. Так мы в итоге и помирились.

Потом, конечно, она мне это еще припомнила. Пригрозила даже:

– Еще раз порвешь, я латать не стану! Ходи весь в дырах, как нищий.

Тоже мне угроза! Подумаешь! Сейчас такое даже модно. В смысле, дыры, а не нищие. Хотя это еще не точно.

И всё-таки домой мне идти расхотелось. Я с сомнением посмотрел на дыру и решил оттянуть неизбежное: «Поброжу еще часок, а потом пойду».

Я решил завернуть на речку, прогуляться по кисельному берегу. Вообще, никакая это была не речка, а обычное водохранилище, в которое местный завод сливал ядовитые отходы. Вся набережная была усажена табличками «Купаться и ловить рыбу строго запрещено!». Но наши дворовые всё равно купались. А дядя Коля, Валюхин муж, прошлой зимой выловил оттуда гигантскую щуку. Ух и здоровенная была!

– Все мужики в осадок выпали! – рассказывал нам дядя Коля, пока Валюха отпиливала от щуки кусок нам к праздникам.

А Фёкла возьми да и заяви:

– Сами своего монстра ешьте. Буду я еще дитё радиацией травить.

А дядя Коля ей:

– Ты, Пална, в пузырь не лезь. Дареному коню, того, это – зубы не считают!

– Не смотрят, – поправила его Валюха. Она была учительницей. – В зубы коню не смотрят.

Но дядя Коля и усом не повел. Потому что жена ему в принципе не указ. Так, друг человека.

– Бери-бери, Пална, – настаивал дядя Коля. – Отличная

щука, говорю тебе. Качественная!

Пришлось взять. Фёкла тот кусок потом в семи водах вымачивала, чтобы радиацию вывести. Не доверяла она дяде Коле, как всем мужикам. Ну а из щуки мы котлет нажарили. Я попробовал и выплюнул – не котлеты, а один живой лук. И вот как с ней бороться?

Я уже дошел до речки, когда вдруг вспомнил, что мне это строго запрещено.

«Не гойсай по реке! Сиганешь с обрыва, и тю – следов не найдут!» – грозила мне Фёкла.

Она бы меня еще козой рогатой попугала. Ей-богу, будто я маленький.

Я свернул к обрыву. Вообще, мы с пацанами говорим не «обрыв», а «утес» – потому что так звучит солиднее. Пиратский утес – ну круто же. Мы все мечтаем, как однажды он станет нашим тайным местом, где можно будет собираться, палить береговые костры и прятать клады. Пока что утес – это тайное место старшеклассников, они там всё время отвисают. А мы за ними следим из засады и по ходу разрабатываем стратегию захвата вражеских земель.

На утесе было пусто. Оно и понятно – кому здесь быть, кроме меня. Лето же! Я уселся на колючую траву, выпеченную солнцем, и от нечего делать стал бросать вниз камешки. А они такие «хлёк-хлёк», ну точно как жабы. Я жаб просто на дух не выношу – они противные. А вот маленькие лягушки мне нравятся. Мы как-то с Жекой словили парочку, по-

садили в банку и ко мне притащили. Жека сказал:

– Сейчас мы с тобой лягушачью ферму забабахаем! – И побежал домой за клеткой. В ней раньше его попугай жил, а потом улетел в форточку – на вольные хлеба. Вот Жека и придумал клетку под лягушачий вольер приспособить. Мы им еще горку из пластиковой бутылки спроектировали – за-качаешься! Настоящий лягушачий парк развлечений полу-чился. Жека снова сказал:

– Лягушачья икра сейчас знаешь как ценится! Ее можно ресторанам продавать за большие деньги.

Я в такую чушь, конечно, не поверил.

– Смешно! – говорю. – Я бы эту гадость и бесплатно есть не стал. Не то что в ресторане!

Но Жека уже загорелся не на шутку. Его прямо разрывало от идей.

– Мы ее в коробочках специальных поставлять будем, как деликатес. А сбоку еще такую надпись сделаем. Ну, знаешь – «мэйд ин франсе»?

– Чего? – У меня, наверное, брови на затылок съехали.

– Чего-чего, – буркнул Жека. – Сделано во Франции, го-ворю.

И тут я в Жеку поверил. Всё-таки он человек толковый – в школе английский изучает. А я только немецкий, и то из-под палки. В общем, заразился я Жекиным энтузиазмом ого-го как! И стал ему идеи подкидывать – как поильники правильно установить, чтобы лягушки от жажды не высохли

и качество икры не пострадало.

– Как разбогатею, я себе гироскутер куплю, – размечтался Жека. – Стальной такой, с обводами и рубчиками на руле. И чтобы с ионным аккумулятором обязательно, ну ты понимаешь.

– Ага, – сказал я, – круто.

Особенно мне про аккумулятор понравилось. Что тут может быть непонятного, если у меня даже велика своего нет?! А вообще, я к этому вопросу относился философски. Ну нет и нет. Но на всякий случай тоже размечтался:

– А я тогда велосипед с багажником куплю. И кроссовки на воздушной подушке. Зеленые!

Потом подумал: «Гулять так гулять!» – и добавил к кроссовкам шапку для Фёклы, которую мы в гипермаркете видели. Там одна пушистая была, а другая с каким-то жутким хвостом. Вот об этой она вообще всю жизнь мечтала!

Мы доделали поильники и стали думать, как нам эту икру на поток поставить, чтобы побольше денег заработать. Но тут, как назло, Фёкла с работы вернулась и всё испортила.

– Чтобы я в своем доме больше этих амфибий не видела! – сказала она как отрезала. Весь бизнес нам поломала.

Вообще, если так разобраться, Фёкла мало что мне разрешала. Я вдруг разозлился не на шутку, перебирая в уме все эти ее «нельзя». То нельзя, это нельзя. Словно я какой-то Буратино безропотный.

«Твоим шальным генам нужна строгая рука, – убеждала

меня Фёкла. – А лучше ремень».

Ремень висел в шкафу на самом видном месте. Там еще только надписи не хватало: «С горячим приветом от Фёклы». Это чтобы мы с моими генами не расслаблялись.

Маленьким я всё никак не мог понять, кто они такие, эти гены, и почему я виноват в том, что они шальные, а не послушные, как чужие дети. Однажды мне даже приснился сон, где озверевшие крокодилы прибежали из зоопарка прямо к нам в квартиру и съели все наши галоши. Я так испугался, что, проснувшись, тут же рассказал обо всём Фёкле. А она стала смеяться как чокнутая и объяснила, что гены – это что-то вроде характера, который передается по наследству. Потом, уже постарше, я посмотрел передачу про строение человеческого организма, и всё окончательно прояснилось. Я понял, что хоть мои родители меня и бросили, какие-то части их тел остались во мне навсегда. Ну там, руки, глаза, пальцы. Я иногда смотрел на себя в зеркало и думал: «Раз у меня уши лопухие, то, наверное, папины. А если волосы белые и кудрявые, как у девчонки, значит – мамины». Потом я вообще перестал об этом думать, и про уши, и про волосы, и про родителей. Просто забыл о них раз и навсегда, как отрезал. Словно их никогда и не было вместе с шальными генами под кроватью и ремнем в шкафу. Фёкла им, кстати говоря, так ни разу и не воспользовалась.

Я вдруг почувствовал, как меня не на шутку затопила нежность. Всё-таки она у меня хорошая. А ее фирменные

пирог так вообще – с ума сойти можно! Не то что у Валюхи. Эта как напечет – зуб не вбить. Не пирог, а лямец. А Фёклыны всегда знатные. У нее вообще руки золотые. С виду такие шершавые, все в мозолях, а на ощупь – мягкие.

Я резко вскочил и ка-а-ак припустил к дому – так мне вдруг захотелось обняться с ее руками. Еле прибежал, запыхался.

Возле подъезда стоял дядя Коля и курил. Валюха его съесть готова была за эти сигареты – до того они были вонючие. А мне, наоборот, нравилось, как они пахнут.

Я остановился возле дяди Коли, чтобы немного подышать сигаретным дымом, и деловито спросил:

– Дядь Коль, не подскажите, который час?

Ну, чтобы он понял, что мы на равных. Я заметил, если взрослых спрашиваешь «а сколько время?», они смотрят на тебя пренебрежительно, как на ребенка. И отвечают нехотя. Но стоит спросить «не подскажите, который час?», и тебе говорят, там, «без пятнадцати девять». Вот как дядя Коля сейчас.

Меня вдруг словно током шарахнуло. У нас же с Фёклой пожизненный договор: «Не позже восьми!»

Я бросился к лифту, потом передумал и метнулся к лестнице – так быстрее. Но дядя Коля крикнул мне вслед:

– Попридержи-ка двери, Севка. Вместе поедем.

Пришлось возвращаться и вызывать лифт.

Я забежал в кабину и подставил ногу, чтобы двери не за-

было тихо. Я потоптался с минуту на коврикe, ожидая, когда Фёкла выпрыгнет в коридор и закатит мне сцену, но так и не дождался. И вот тогда я понял: что-то случилось.

Глава 2

Наверное, я понял это еще до того, как оказался в квартире. Просто не сразу осознал. Запах супа – вот что случилось. Обычно на подходе к дверям я пытаюсь угадать, с чем он у нас сегодня – с грибами, тушенкой или яйцами. Эти я просто видеть не могу, так же как и лук. А вот вермишель люблю. Даже без супа. Поэтому мы ее и едим каждый день, а иногда даже вечером.

Но супом в этот раз и не пахло. Зато пахло лекарствами. Сильно, на всю квартиру. Я на цыпочках прошел по коридору и заглянул в комнату. Она лежала на диване, вытянув руки, как солдат. В углу орало радио, но Фёклу это нисколько не беспокоило – она спала. Так я сначала подумал, пока не увидел ее лицо. Обычно оно у нее спящей уморительное. С раздувающимися щеками и губами-трубочками. Фёкла еще так смешно ими делает «фьють-фьють».

Сейчас лицо было ровным и гладким, словно растянутым к ушам. Как у пластиковой куклы. Я с опаской посмотрел на ее живот. Вспомнил Жеку.

– Я, – говорил он, – своих по ночам проверяю. А то мало ли что? Подхожу и кладу голову на живот сначала маме, потом папе. Если живот двигается, значит, всё хорошо. Можно спать спокойно.

Я тоже решил попробовать. Но Фёкла тогда проснулась и

дала мне такой нагоняй – мало не покажется. Сказала, что я ее своими экспериментами в гроб вгоню. Я пообещал, что такое больше не повторится. И сдержал бы слово, но это странное лицо! Мне прямо-таки приспичило убедиться, что всё хорошо.

Я встал на корточки и приложился щекой к ее животу. Пуговицы халата больно впились мне в кожу. Я замер, не дыша, с волнением ожидая, когда зашевелится Фёклин живот. Но он был мягким и неподвижным.

И тогда я понял, что это у нее не сон. Там было другое. Не страшное, просто другое. Я сидел как загипнотизированный, глядя на Фёклу, а потом встал и пошел. И вот тут случилась странность. Я вроде шел, но не чувствовал этого – прямо как в бассейне. Казалось, что двигается только туловище, а ноги стоят на месте и просто тянутся вслед за ним, как резиновые.

Каким-то чудом я всё-таки добрался до Валюхиной двери и позвонил. На ноги я не смотрел, чтобы, чего доброго, не сбрендить. Вдруг они и правда остались там, в квартире, а я тут такой просто растянулся на несколько метров, как жевательный монстр.

– Севка, что? – Валюха открыла с явной неохотой. Наверное, у нее там сериал был в самом разгаре. – Извиняться пришел?

Я стоял и не мог вымолвить ни слова.

– За черешню, – подсказала Валюха и выжидающе скрестила руки.

Я тарасился на нее изо всех сил, лишь бы только не смотреть вниз. Но она вдруг сама ахнула:

– Что с твоими ногами?

Тут уж я не выдержал и тоже глянул.

Ноги были на месте, только босые. У меня вдруг дернулось сердце. Так резко, словно по нему кто-то хорошенько двинул со стороны спины.

– Ты с ума сошел – голяком бегать! – Валюха отодвинула меня в сторону и двинулась к нам в квартиру.

– Феклуня, – донеслось до меня издалека. – Ты за своим вообще смотришь? Вон с голыми ногами по бетону лётает.

Она что-то бурчала, а я стоял и слушал, но ничего не мог разобрать. Сердце грохотало у меня в ушах, как неисправный мотор.

«Ой, мамочки!» – всё-таки уловил я. Что и говорить, визжала Валюха громче любого мотора. Она выбежала в коридор. Лицо – белое, глаза – выпученные, а шея – мокрая, словно ее только что облили водой.

– Давай-ка сюда, миленький. – Она схватила меня за руку и, протаскив через узкую прихожую в кухню, толкнула на диван.

– Ты есть хочешь? – нервно спросила Валюха. Голос у нее был визгливым до невозможности. – Поди ж, голодный?

Я молча кивнул.

– Миленький мой, миленький. – Она забежала по кухне взад-вперед, потом схватила нож и принялась кромсать ба-

тон.

– На-ка вот, поешь. – Блюдечко с маслом чуть не врезалось мне в щеку.

Я сидел как истукан и таращился на батон. Он был нарезан толстыми и неровными ломтями. Валюха подвинула мне дымящуюся кружку.

– Чай только заварила. Пей смело – я не трогала.

Она вдруг погладила меня по голове.

– Ты пока поешь, а я сейчас. – И Валюха чуть ли не бегом понеслась из кухни в прихожую, где дядя Коля с кем-то громко разговаривал по телефону.

Я взял кусок батона и стал жевать, ничем не намазывая. Один, второй, третий.

Когда Валюха снова появилась в кухне, я как раз доедал масло, слизывая его прямо с ножа.

– Батюшки! – Она испуганно моргнула. – Ты что же это, весь батон съел?

Я молча кивнул.

– Горе-то какое, – всхлипнула Валюха, и тут же: – Ну ничего-ничего. Коля потом в магазин ходит.

Я так и не понял, в чём горе-то? Подумаешь, батон! Мне вдруг стало тошно от всего этого – не передать как. Я вскочил, чтобы убежать к себе домой, к Фёкле, пусть она там и лежит... такая, но Валюха преградила мне путь. И снова погладила по голове:

– Бедный ребенок. Может, кефирчику тебе налить, по-

пьешь?

Я помотал головой, и меня вдруг вырвало прямо ей на передник.

От неожиданности ко мне вернулся голос:

– Простите, тетя Валь. Я не специально.

– Ну что ты, что ты! – Она подцепила пальцами передник и стащила его через голову. – Это у тебя от волнения.

Валюха в третий раз погладила меня по голове. Сколько можно вообще!

– Иди вон с Маринкой фильм посмотри, пока мы тут... – Она тяжело вздохнула.

Я хотел спросить ее и не мог. Стоял и беспомощно хлопал ртом, как рыба. Я хотел спросить про Фёклу, но чувствовал, что если спрошу сейчас, то услышу что-то невыносимо ужасное. Поэтому я отвернулся и пошел к Маринке в комнату.

Она валялась на диване и смотрела какую-то сладкоречивую мелодраму.

«Ах, Джон. Только не покидай меня, дорогой!» – причитала на экране кудрявая тетка.

Тьфу ты! У меня от всего этого сахара прямо зубы свело. Я молча сел в кресло рядом с Маринкой, стараясь не смотреть в её сторону. И всё равно заметил, как она смотрела на меня. Прямо-таки с диким интересом.

Маринка была старше на два года и выше на голову. В прямом смысле. Потому что про голову так можно говорить еще и тогда, когда имеешь в виду положение в обществе. Тут

уж оно у нас с соседями было примерно одинаковым. Средний класс, так сказать. Ну, может, у них чуть повыше. Валюха всё-таки была учительницей. И раз в год ездила вместе с Маринкой на моря. А мы даже бананы – и те всегда брали на акции.

Фёкла. У меня снова загрохотало в ушах. Я зажмурился.

– Ты как, нормально? – подала голос Маринка. Вид у нее был какой-то плачевный.

– Никак. – Мне было неуютно от всего этого. – Может, футбол посмотрим?

Сам не знаю, зачем я это предложил. Футболом я мало интересовался.

– Если хочешь. – Маринка щелкнула пультом, и пыльная физиономия дорогого Джона наконец исчезла с экрана. А вместо него появилась женская, хохочущая. Я бездумно смотрел на еедвигающийся рот и ничего, ничегошеньки не слышал. Я думал лишь о том, что раз Маринка вот так запросто согласилась выключить Джона, значит, случилось не чудо, а самая настоящая беда. До меня дошло наконец.

«Фёкла умерла», – я сказал это про себя, как будто проглотил. Вытолкнул из горла в живот, чтобы никто не услышал. Но и там, в животе, эта страшная мысль не заглохла. Она стучала и колотила по моим ребрам с такой силой, что я еле сдерживался, чтобы не заорать на всю комнату.

Маринка безостановочно щелкала пультом. У них было тридцать каналов, но футбол она так и не нашла. Поэтому

после кругового щелканья на экран с триумфом вернулся слащавый Джон.

Мне вдруг стало смешно. По-настоящему! Я прямо приснул со смеху. Сам не знаю почему.

Маринка вытаращилась на меня, как горный баран на степного. Ну, вроде как с недоумением. Она, видно, ждала, что я стану рыдать, как ее любимчик Джон. Но я не стал.

– Хочешь поговорить? – завела Маринка по новой.

– Нет, – сказал я. – Не хочу.

И закрыл глаза. Я вдруг ужасно захотел спать.

* * *

Мне снилась Фёкла. Я бежал за ней по длинному коридору и никак не мог догнать. Ноги у меня были ватными, словно без костей.

– Подожди! – кричал я. – Мне страшно.

Но Фёкла неслась вперед и смеялась, как сумасшедшая.

Я тянул к ней руки и всё кричал, кричал. А она вдруг остановилась, вытащила из кармана горсть черешни и давай швырять в меня по одной. Бросает и хохочет.

– Ты что, совсем сдурела? – Я даже обиделся. Черешневые снаряды летели мне прямо в лицо. Было больно.

И тут я проснулся. Подушка была вся в красных потеках. Я прямо похолодел весь – подумал, что это черешневый сок. А оказалось, что просто губу прокусил нечаянно.

Глава 3

В тот день резко похолодало. Небо затянуло какой-то тоской, похожей на облака вперемешку с туманом.

Я сидел на подоконнике и смотрел то в окно, то на дверь, за которой лежала Фёкла. Я хотел зайти туда, посидеть рядом, но около нее всё время были какие-то бабки. У нас вообще была полная квартира незнакомых людей. Они все ходили туда-сюда, так что у меня даже шея заболела следить за их передвижениями. А потом приехал автобус, и дядя Коляскомандовал всем выходить. Тут-то и выяснилось, что у меня нет ничего теплого. Оно и понятно. Одежду мы обычно покупали к школе, в конце августа. А сейчас был июнь.

Валюха перерыла весь мой шкаф и не нашла ничего путного. Я уже было вздохнул с облегчением, но нет – в последний момент она всё-таки обнаружила ту самую оранжевую кофту.

– Ну хоть эту надень, – велела она. – Цвет, конечно, специфический, но что делать? Такой холод стоит.

Я попробовал отвертеться:

– Она мне маленькая, не налезет.

Но Валюха бесцеремонно стащила меня с подоконника:

– А ну-ка стань! – И приложила кофту к спине. – Ничего не маленькая, надевай скорее и пошли, всю процессию задерживаем.

– Мне надо в туалет, – заикнулся я без особой надежды.

Валюха только вздохнула:

– Иди уже. Да не расслаживайся! Некогда.

Я пошел сразу в ванную, налил себе воды в стакан и заглянул в зеркало.

Кофта по-прежнему была безнадежной. А я в ней вообще – боль и слезы в одном флаконе.

Помню, осенью я как на иголках ждал Фёклу с работы. Я был на сто, нет, на миллион процентов уверен в том, что сегодня наконец получу телефон. В конце концов, человеку не каждый день исполняется одиннадцать. Это же целое событие. Тут и Фёкла подросла. Пришла такая вся загадочная, сумку к себе прижимает, счастливая.

Я, говорит, тебе подарочек принесла. Упадешь – не встанешь. У меня сердце в горле забилося. Я прямо испугался, что сейчас взорвусь от счастья. Точно телефон. Она же меня знает как облупленного.

И тут она с этой сумкой ко мне. Походочка еще такая, лунная. Ну чисто Майкл Джексон, восставший из мертвых. Я прямо задрожал весь.

И тут она достает ЭТО.

– На, – говорит, – примерь, а то я сейчас в обморок упаду от нетерпения.

Я хотел сказать, что это я сейчас в обморок упаду, только от ужаса. Но не смог. У меня просто дыхание перехватило.

А Фёкла всё приговаривает:

– Примерь, примерь. Не стесняйся. Тут еще гляди жираф какой! Я думала, это аппликация, а он, оказывается, вышитый. Сто лет носить будешь и то не сносишь!

Я как представил себе, что эта кофта еще и моим правнукам достанется, так мне вообще жить расхотелось. Но взял, конечно, подарочек. А куда было деваться? Видно же, что она старалась.

Сама кофта была еще ничего. Но жираф – это нечто. Хотя нет, это Фёкла – нечто, раз она до такого додумалась. Человеку одиннадцать лет, а она его жирафиком поздравляет. Меня вдруг такая обида захлестнула – не передать.

«Ты бы мне еще совок с лопаткой подарила, – думаю. – Был бы тогда полный набор – дурачок на выселках».

Вечером мы с Жекой в кино собрались. Я дождался, пока Фёкла за сериал усядется, и рванул к двери:

– Ну я пошел, не провожай меня. (Ага, как же!)

Она прямо как истребитель из комнаты вылетела. Небось сидела там, ждала своего звездного часа.

– Кофту надел? – спрашивает. – На улице холодно.

И знает же, что ничего я не надевал. Может, с телефоном там какое затмение случилось, потому что во всём остальном я у нее – как на ладони.

А мне что? Мне терять уже нечего!

– Надел, – говорю и смотрю на нее честными глазами, как агнец Божий. А Фёкла на меня – как Коломбо, – только одним и, главное, не мигая! А второй глаз я не понял куда ис-

чез. Может, она сощурилась.

– Мне в туалет надо, – вспомнил я и пошел мимо нее прямо в обуви. А Коломбо мне вслед смотрит, словно рентгеном просвечивает. Такой «вжик-вжик». Я – жидкий терминатор.

Конечно, ни в какой туалет я не пошел. Залетел в комнату и давай эту куртку снимать – кофту натягивать. Вышел, а Фёклы уже и след простыл. Я только подумал, может, снять жирафа, раз такая удача. А она как завопит из кухни:

– Иди уже, чего копаешься? И дверь закрой на два оборота!

Цирк какой-то!

В кино я, конечно, раздеваться не стал – так и пошел в зал в куртке. Мне Жека говорит:

– Ты чего в куртке-то? Там же адская жарень.

А я ему:

– Что-то меня знобит. Наверное, температура.

Жека мне давай лоб щупать. Еще, главное, с таким видом важным. Нашелся тут Айболит!

– Вроде холодный, – нащупал Жека. И смотрит на меня с подозрением.

Но я тоже не промах. Говорю:

– У меня так всегда, когда жар. Голова холодная, а ноги горячие. Хочешь потрогать?

Но он не захотел. И мы пошли в зал. Нас там еще на входе тормознули. Билетерша.

– Молодой человек, – говорит, – у нас нельзя в верхней

одежде. Спуститесь в гардероб.

А Жека ей такой:

– У него жар сильный. Ему без куртки нельзя.

– С жаром нужно дома сидеть, – сказала билетерша, но билеты взяла. И мы пошли на свои места.

Там и правда жара стояла – как в тропиках. У меня вся спина мокрая стала. Я, конечно, сидел в этом мареве сколько мог, а потом не выдержал и говорю Жеке:

– Я, наверное, домой пойду. Что-то мне совсем худо.

Он головой мотает, мол, не выдумывай.

А я уже просто хрипеть начал – так мне плохо стало.

Жека меня опять за лоб – хватать. И как завопит на весь зал:

– Да у тебя голова как сковорода – горячая. Может, ты уже того, это?

Тут я его просто пинать начал, чтобы он меня поскорее выпустил, – чуть сам в проход не вывалился. Ну и побежал со всех ног на воздух, а Жека за мной.

– Я, – говорит, – думал, что у тебя лихорадка денге. Хотел скорую вызывать.

– Дурак ты, Жека, – сказал я. – Лихорадка денге только в южных широтах встречается. Нам это на географии рассказывали.

Так мы кино и не досмотрели. А кофту я потом дома в шкаф спрятал и больше ни разу не надевал, хоть Фёкла и просила.

– Сева, ты что там делаешь? – Заколотила в дверь Валюха.

Я так испугался, что всю воду из стакана на себя вывернул. Пришлось открывать.

– Я кофту стирал, – зачем-то соврал я, а Валюха так на меня посмотрела, что сразу стало понятно – сто лет мне жить не придется.

Ну и прекрасно, пусть оставит эту несносную кофту себе. Будет ей родовое проклятие.

– Вот что мне с тобой делать? – Валюха неожиданно всхлипнула. – Ты же весь мокрый!

Она чуть ли не в волосы себе вцепилась, демонстрируя отчаяние. Я даже испугался немного – вдруг заплачет? Но Валюха схватила меня за руку и потащила в прихожую. Там стоял огромный стенной шкаф, в который она нырнула с головой и уже через секунду вынырнула обратно с жуткой курткой в руках. Я как глянул на помпоны, сразу понял: наша соседка – прямой потомок викингов. Эти никогда не сдаются!

Ладно помпоны – это еще полбеды. Сама куртка – вот где был ужас. Она оказалась огромной, на несколько размеров больше моего, и к тому же отчаянно женской. Маринкиной.

* * *

Кладбище я как-то плохо запомнил. Не успели мы выйти из автобуса, как начался дождь, и всех нас смыло в одну большую лужу. Вот этой печальной лужей мы и поплыли куда-то вверх по дорожке. Под ногами у меня противно чавка-

ло и хлюпало. Я сначала думал, что это грязь, и удивлялся, почему ее не видно. Земля-то была сухая! А потом понял, что чавкает и хлюпает у меня в носу. Просто я так низко опустил голову, что перепутал ее с ногами.

Мы всё шли и шли. А потом вдруг наша лужа резко тормознула, и бабки в платках снова завыли, как тогда в комнате.

– До сих пор не верится, – всхлипнула с ними заодно Валюха. – Был человек – и нет его.

«А что тут такого невероятного? – подумал я. – Мне вот иногда в жизнь не верится. Вдруг это не жизнь, а сон? Ну или там бред какой! А смерть что? Тут всё ясно. Был человек – и нет его. Какие могут быть варианты?»

Я стоял с дядей Колей под зонтом и ненавидел весь белый свет. Из-за этой куртки в первую очередь. Надо было сразу на кофту соглашаться, а не корчить из себя. Подумаешь, жираф! Но и Валюха, конечно, додумалась. Вот зачем так издеваться над человеком? Я же в ней как гном-брадобрей!

Меня прямо затрясло от злости.

– Коля, веди ты его отсюда! – подала голос Валюха. – Он же колотится весь. Еще не дай бог заболет.

– Пойдем-ка, брат, в автобус. – Дядя Коля дернул меня за помпон.

Я сначала сопротивлялся, мол, не хочу в автобус, мне не холодно, но он уже прямо пихал меня в спину, так что я плюнул и пошел. А смысл там стоять? Ясно же, что Фёкла отча-

лила на небеса. И возвращаться, как я понял, не собирается.

* * *

После кладбища были поминки. Когда мы вернулись домой, там уже накрыли большой стол с разными салатами и бутылками в центре. Все уселись и стали праздновать. Правда, я так и не понял, что именно, – Фёкла ведь не родилась, а умерла. Хорошенький такой повод для веселья.

Я положил себе на тарелку куриную ногу и полез за штору – мне там нравилось. Нога смотрела на меня с тоской и на вкус оказалась такой же – ни о чём. Я не стал доедать.

Дядя Коля сидел возле тумбочки, на которой стоял Фёклин портрет. Он всё смотрел на него и кивал, словно здоровался.

– Эх, Пална, Пална. Так и сгорела. А ведь могла сиять! – Он драматично вздохнул. Ну вылитая Офелия!

Я тут же вспомнил, как Фёкла мне выговаривала:

– Чего стонешь, как Офелия? Жизнь и так не медом мазаная, чтобы лить слезы зазря. Еще наплачешься.

Я тогда потерял свой брелок с драконьим глазом и считал, что моя жизнь вообще закончена. Теперь это казалось несусветной глупостью.

– И всё-таки она была большим человеком, – торжественно провозгласила тетя Валя. – Не каждый так сможет – взять чужого мальчика, да еще одной его поднимать.

– А что с мальком-то будет? – зашептались бабульки. Я как-то сразу понял, что это они обо мне, и выглянул из-за шторы. Мне, конечно, было всё равно, что со мной теперь будет, но мало ли.

– Ну, что будет. – Валюха опустила глаза в пол. – Заберут в учрежде-е-ение.

Она вдруг споткнулась на слогe. Не знаю, может, от волнения. Но получилось очень смешно, словно Валюха заблелала. Я как захохочу! И все тут же посмотрели в мою сторону.

– Дуроватый, что ли? – зашептались бабульки.

– Да что вы такое говорите! – зашикала на них Валюха. – Прекрасный мальчик. Развитый. Это у него нервное.

«Ха-ха! Развитый! – Я прямо глаза закатил. – Вот Валюха дает». На самом деле она считает, что я – вундеркинд. Но никогда не говорит об этом вслух, чтобы не задевать себя за живое. Потому что ее Маринка учится через пень-колоду, а я – твердый хорошист. И при этом ужасно ленивый.

На самом деле никакой я не вундеркинд. У меня просто память хорошая. Я что увижу – тут же запоминаю. Поэтому моя голова всякой ерундой забита. Я иногда сам себе удивляюсь, сколько в ней всего помещается. А еще мы с Фёклой любим фильмы всякие смотреть, особенно старые. И канал «Культура». Там столько всего интересного показывают – обалдеть можно. Людей всяких исторических. Я как насмотрюсь про какого-нибудь Бродского, так потом весь двор своими знаниями наповал сражаю. Бабки так вообще сразу

крестятся. Говорят, что меня бес попутал. А Фёкла говорит, что это их маразм попутал.

– Севушка, ну что ты, а? – Валюха вдруг одернула штору. – Иди покушай!

Она стянула меня с подоконника и усадила за стол, рядом с Маринкой. Так мы и сидели в унынии. Маринка поначалу что-то мямлила, но потом затихла. А я всё думал про Фёклу.

Вдруг она не умерла? Может, это у нее летаргическое? Я читал, такое бывает! Вон один мужик в Азии лег и уснул, а все подумали, что он умер, и похоронили его. А что еще было делать? Но мужик тот, оказывается, и правда просто уснул. А потом такой проснулся через сто лет и думает: «Ничего себе я поспал!» А все те, которые думали, что он умер, на тот момент уже сами умерли. Мужик остался один и потом всё приговаривал: «Лучше бы я тогда и правда умер!» В общем, ужас.

Я с надеждой посмотрел на дверь – вдруг там сейчас появится Фёкла? И все как заорут «зомби! зомби!» и разбегутся кто куда. А мы останемся вдвоем и будем жить как раньше. И я буду самым хорошим и самым послушным в мире. И даже убирать в квартире буду сам. Ну, кроме туалета. И даже если окажется, что она зомби, – всё равно плевать, пусть только вернется. Это еще и лучше. Зомби же любят грязь. И хаос! Уж этого добра у меня навалом, особенно в ящиках.

«И в голове!» – добавила бы Фёкла, если бы услышала.

Я вдруг так приободрился – не передать. Я правда по-на-

стоящему поверил в то, что Фёкла жива. А все эти похороны, поминки и резиновая курица – это так, иллюзия моего сознания. Как в крутом триллере, который мы с Жекой бесплатно посмотрели в кинотеатре. Просто потому, что в тот день его соседка на входе дежурила.

Все вдруг разом встали из-за стола, чтобы размяться, а меня охватила дикая эйфория. Я прохаживался среди взрослых, болтал о том о сем, даже острил и сам себе казался эдаким удальцом. Как сказал бы Жека – красавчиком. А потом все ушли, и Валюха уложила меня спать. Я вроде как и не хотел, а потом раз – и уснул, может быть, даже стоя.

Мне опять снилась Фёкла. Она сидела верхом на солнце и, свесив ноги, по-девчоночьи болтала ими в воздухе. А я, как кузнечик, скакал по земле и пытался стащить ее вниз.

– Сева, ну что ты всё скачешь? – спросила меня Фёкла Валюхиным голосом. – Болит что?

Я открыл глаза и увидел перед собой тетю Валю.

– Чего? – Голос у меня был сиплым. – Пора вставать?

– Лежи еще, рано. – Она укрыла меня одеялом.

И я снова уснул, а утром проснулся и понял, что Фёкла уже не вернется. Она умерла. Всё! Точка. Я даже в голове ее нарисовал, чтобы увидеть и после этого больше не надеяться.

Глава 4

– На-ка вот. – Валюха протянула мне сверток. – Пряничков тебе в дорогу завернула, погрызешь.

Я посмотрел на сверток, потом на Валюху и помотал головой. Я не хотел брать никакие прянички. Мне казалось, возьми я сейчас сверток – и всё, пути назад не будет. А я еще даже не успел спросить, не согласится ли Валюха оставить меня себе. Но она виновато опустила глаза, и по ее виду я сразу понял, что нет, не согласится.

– Это все твои вещи? – подала голос тетка в сером костюме. Я как увидел ее – сразу окрестил птеродактилем из-за острых плеч, похожих на крылья. И тетка тут же перестала казаться страшной. Скорее уж грустной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.